

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 347

№ 4 (15) / 2017, с. 30–33

КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Александр Владимирович Сафонов

кандидат юридических наук

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: alexsafonov@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы толкования добросовестного поведения в научном и правоприменительном аспектах. Автор обосновывает вывод о том, что основным критерием в определении добросовестности является отсутствие в действиях/бездействиях участника гражданского оборота прямого умысла на злоупотребление правом. Действия, которые участник мог бы совершить для узнавания факта, который делает его недобросовестным, не должны приниматься во внимание.

Ключевые слова: критерии добросовестности, разумность, ожидаемое поведение участника гражданского оборота.

CRITERIA OF GOODBILITY

Alexander Safonov

Candidate of Law

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: alexsafonov@mail.ru

The article deals with the issues of interpretation of conscientious behavior in scientific and law enforcement aspects. The author justifies the conclusion that the main criterion in determining honesty is the absence in the actions / omissions of the participant in the civil turnover of a direct intent to abuse the law. The actions a participant could take to recognize a fact that makes him unfair should not be taken into account.

Keywords: criteria of conscientiousness, reasonableness, expected behavior of a participant in civil turnover.

Принцип добросовестности является одной из наиболее дискуссионных тем в науке гражданского права. В немалой степени этому способствует его усиление в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и массовое применение в судебной практике.

В научной литературе, несмотря на отсутствие единства в понимании данного принципа, добросовестность принято делить на субъективную (состояние лица с точки зрения его фактической честности, обоснованной убежденности в правомерности собственных действий) и объективную (объективное соответствие действий субъекта разумным ожиданиям определенных третьих лиц, для защиты которых исходя из требований закона или из существа обязательства и установлено требование добросовестности) [См.: 1, с. 24; 2, с. 11; 3, с. 8; 4, с. 124–125; 5 и др.].

Именно по поводу толкования объективной добросовестности не утихают научные дискуссии и не прекращаются споры в судах.

Согласно пункту 3 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу пункта 4 статьи 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Настоящее законодательное регулирование воспринимается судебной властью через призму разъяснений, содержащихся в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»,

согласно которым, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации¹.

Конституционно-правовой смысл, содержащийся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца», позволяет признать добросовестным приобретателя недвижимого имущества, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права².

Можно констатировать, что в российской правоприменительной практике сложилось понимание добросовестности через такие дефиниции как «разумность», «осмотрительность», «ожидаемое поведение участника гражданского оборота». Как известно, применению оценочных категорий с неизбежностью предшествует их толкование, недостатки которого заключаются в субъективном восприятии и абстрактном характере толкуемых терминов. Вместе с тем современное правовое регулирование невозможно представить без «каучуковых» норм. В их отсутствие обеспечение баланса прав и законных интересов участников гражданского оборота представляется трудновыполнимой задачей.

Однако в последние несколько лет требования к ожидаемому поведению, которые предъявляются судами к рядовым участникам гражданского оборота, повысились настолько, что на практике иногда это приводит к поглощению принципа презумпции добросовестности, закрепленного в пункте 5 статьи 10 ГК РФ.

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановл. Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. – 2015. – 30 июня.

² По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца : постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П // Российская газета. – 2017. – 4 июля.

Зачастую именно сторона, приобретая имущество у незаконного отчуждателя, под страхом признания ее недобросовестной вынуждена доказывать в процессе, что она приняла все возможные меры для того, чтобы выявить незаконность действий контрагента.

В качестве иллюстрации можно привести пример, когда Верховный суд Российской Федерации, опираясь лишь на факт продажи имущества по заниженной стоимости, сделал вывод о том, что покупатель недвижимости, проявляя обычную при таких обстоятельствах степень осмотрительности, обязан выяснить, у кого была приобретена вещь продавцом, имеется ли какая-либо заинтересованность между продавцом и предыдущим собственником вещи, не находится ли предыдущий собственник вещи в состоянии банкротства, и не совершена ли сделка между продавцом и предыдущим собственником в период подозрительности, и, наконец, соответствуют ли первоначальная сделка требованиям Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ³.

Вызывает определенные сомнения, что все перечисленные выше действия должно совершить лицо, приобретающее вещь по заниженной стоимости, руководствуясь только лишь обычной степенью осмотрительности. Ведь интересы сторон по договору купли-продажи всегда противоположны. Следует согласиться с выводом О.В. Мазур о том, что несоразмерность встречных предоставлений по договору сама по себе не может являться самостоятельным основанием для квалификации поведения стороны, получающей выгоду от заключения договора, как недобросовестного. Требование добросовестного поведения субъекта при заключении договора не может предполагать заботы о выгодности существенных условий сделки для противоположной стороны в силу присущего переговорному процессу антагонизма интересов [3, с. 8].

В другом случае по мнению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от гражданина, имеющего расчетные счета в банке, дополнительно совершающего сделки по внесению вкладов на сумму свыше 50 000 000 рублей, следует ожидать повышенного внимания и осмотрительности к документам, выдаваемым в подтверждение факта внесения личных накоплений в депозит. Как установлено

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2017 г. № 308-ЭС15-6280 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

судами, Зыкова Н.И. имела в банке несколько счетов, по которым она на протяжении длительного времени регулярно совершала расчетные операции с использованием банковских карт. Следовательно, Зыкова Н.И. являлась клиентом банка, имела опыт в сфере взаимоотношений с кредитной организацией и не могла не знать, что безналичные денежные средства вкладчика существуют в виде записей на депозитном счете обладателя⁴.

Фактически суд предположил наличие у вкладчика специальных знаний в области банковского дела и вменил вкладчику необходимость совершения действий по контролю за открытием банком депозитных счетов по его вкладам.

Повышаются требования к ожидаемому (разумному) поведению и на законодательном уровне. Так в письме ФНС России от 23 марта 2017 г. № ЕД-5-9/547 «О выявлении обстоятельств необоснованной налоговой выгоды» налоговым органам предлагается особое внимание уделять оценке достаточности и разумности принятых налогоплательщиком мер по проверке контрагента. В целях оценки действий налогоплательщика необходимо оценивать обоснованность выбора контрагента проверяемым налогоплательщиком, исследовать вопросы, отличался ли выбор контрагента от условий делового оборота или установленной самим налогоплательщиком практики осуществления выбора контрагентов, каким образом оценивались условия сделки и их коммерческая привлекательность, деловая репутация, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта, заключались ли налогоплательщиком сделки преимущественно с контрагентами, не исполняющими своих налоговых обязательств⁵.

Перечисленные выше примеры наглядно демонстрируют необходимость формулирования критериев добросовестности. Иначе требования, которым отвечает стандарт разумного и добросовестного поведения, могут сколь угодно повышаться, а объем действий,

которые должен совершить участник гражданского оборота, увеличиваться. Следует заметить, что вопрос о добросовестности возникает, как правило, в двух случаях: приобретения имущества или имущественного права у неуправомоченного отчуждателя и злоупотребление правом. В обеих ситуациях, за редким исключением, можно предположить действия, которые лицо могло совершить, чтобы «узнать о факте, знание которого с точки зрения закона делает поведение лица недобросовестным» [6, с. 95]. Таким образом, путем рассуждений и предположений зачастую можно сделать вывод, что участник гражданского оборота не проявил должной осмотрительности и разумности, не совершил действия, соответствующие ожидаемому поведению, и, следовательно, является недобросовестным.

Возникают вопросы: «А должен ли участник гражданских правоотношений всегда сомневаться в порядочности субъектов, с которыми он в эти правоотношения вступает? Насколько «глубоко» ему необходимо проверять своего контрагента, прежде чем заключить с ним договор?»

Презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, закрепленная в пункте 5 статьи 10 ГК РФ, наводит на мысль, что законодатель, включая данный принцип в нормативный текст, преследовал цель освободить участников гражданского оборота от излишней подозрительности друг к другу.

Изложенное выше и понимание субъективной добросовестности как извинительного незнания позволяют сделать вывод, что ключевым критерием в определении добросовестности является отсутствие в действиях/бездействии участника гражданского оборота прямого умысла на злоупотребление правом. Лишь осознание того, что действуешь во вред другим, может свидетельствовать о наличии злого умысла. Представляется, что в гражданском процессе подлежит доказыванию именно осведомленность участников правоотношений о своем недобросовестном осуществлении гражданских прав. Действия, которые участник мог бы совершить для узнавания факта, который делает его недобросовестным, не должны приниматься во внимание. В противном случае участники процесса всегда будут находиться под угрозой неоправданного расширения судебного толкования их поведения и непредсказуемости исходов рассмотрения дел.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2016 г. № 305-ЭС14-5119 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О выявлении обстоятельств необоснованной налоговой выгоды Письмо ФНС России от 23 марта 2017 г. № ЕД-5-9/5472 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Аверьянова, М. В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве : автореф. ... канд. юрид. наук / М. В. Аверьянова. – М., 2001.
2. Дроздова, Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Т. Ю. Дроздова. – Иркутск, 2006.
3. Мазур, О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве : автореф. ... канд. юрид. наук / О. В. Мазур. – СПб., 2012.
4. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 124-125.
5. Покровский, И. А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека / И. А. Покровский. – Киев, 1899.
6. Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР / Ю. К. Толстой. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955.

References

1. Averyanova, M. V. Zashchita dobrosovestnogo priobretatelya v rossiyskom grazhdanskom prave : avtoref. ... kand. yurid. nauk / M. V. Averyanova. – M., 2001.
2. Drozdova, T. Yu. Dobrosovestnost v rossiyskom grazhdanskom prave / T. Yu. Drozdova. – Irkutsk, 2006.
3. Mazur, O. V. Trebovanie razumnosti v sootnoshenii s trebovaniem dobrosovestnosti v grazhdanskom prave : avtoref. ... kand. yurid. nauk / O. V. Mazur. – SPb., 2012.
4. Novitskiy, I. B. Princip dobroy sovesti v proekte obyazatelstvennogo prava / I. B. Novitskiy // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2006. – № 1. – S. 124-125.
5. Pokrovskiy, I. A. Spravedlivost, usmotrenie sudi i sudebnaya opeka / I. A. Pokrovskiy. – Kiev, 1899.
6. Tolstoy Yu. K. Soderzhanie i grazhdansko-pravovaya zashchita prava sobstvennosti v SSSR / Yu. K. Tolstoy. – L. : Izd-vo LGU, 1955.